

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

Археологические памятники Приднестровья
IV

Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика

Семёновские курганы

Тирасполь
2017

903.53 (478-24)
С 758

Рекомендовано к печати Научно-координационным советом
Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко
(протокол № 9 от 16.05.2016 г.)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук Н.П. Тельнов

Рецензенты:
кандидат исторических наук С.Б. Вальчак
кандидат исторических наук С.Д. Лысенко

Работа посвящена публикации и анализу материалов, полученных в результате археологических исследований курганов у с. Семёновка Белгород-Днестровского района Одесской области. Ценность этих источников заключена в широте охвата доисторических и исторических культур региона, существовавших на этой территории от раннего бронзового века до сарматского времени.

Для археологов, историков, этнографов, преподавателей вузов и студентов, а также всех, кто интересуется древней историей края.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Субботин, Л. В.

Семёновские курганы = Semyonovka Barrows / Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика; отв. ред. Н.П. Тельнов; обл.: Д. А. Топал ; Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, н.-и. лаб. «Археология» — Тирасполь: Stratum plus, 2017 (F.E.-P. «Tipografia Centrală»). — 180 p. : des., fig. — (Серия «Археологические памятники Приднестровья» = «Arhaeological Sites of the Dniester Region» ; 4, ISBN 978-9975-4486-1-1).

Tit. paral.: lb. rom. engl. — Rez.: lb. engl. — Bibliogr.: p. 165—179. — 200 ex.

1 disc optic electronic (CD-ROM): sd., col.; în container, 15 × 15 cm.

Cerințe de sistem: Windows 98/2000/XP, 64 Mb hard, PDF Reader.

ISBN 978-9975-4269-4-7.

903.53 (478-24)

С 758

This book contains a presentation and analysis of materials obtained during archaeological study of barrows near Semyonovka village, Belgorod-Dnestrovsky district, Odessa region. The value of these sources lies in the breadth of prehistoric and historical cultures of the region that existed in this territory from the Early Bronze Age to the Sarmatian time.

The book is meant for archaeologists, historians, university professors and students, and anyone interested in the ancient history of the region.

© Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика

© Издательство «Stratum plus» Р.Р.,
Университет «Высшая антропологическая школа»

© Обложка: Д.А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина

Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник

Корректор: Л.А. Мосионжник

e-ISBN 978-9975-4269-4-7.

T. G. SHEVCHENKO PRIDNESTROVIAN STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF ARCHAEOLOGY

Archaeological Sites of the Dniester Region
IV

L. V. Subbotin, S. N. Razumov, V. S. Sinika

Semyonovka Barrows

Editor:

Candidate of Historical Sciences N. P. Telnov

Reviewers:

Candidate of Historical Sciences S. B. Valchak

Candidate of Historical Sciences S. D. Lysenko

Tiraspol
2017

Глава I.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОРИОГРАФИЯ СЕМЁНОВСКИХ КУРГАНОВ

Историю изучения курганных древностей правобережья Днестровского лимана невозможно представить без материалов, которые были получены в ходе работы Семёновской археологической экспедиции Одесского археологического музея АН УССР в 1975—1976 гг.

Эта экспедиция была создана в июле 1975 г. для проведения исследований курганов в зоне строительства оросительной системы близ с. Семёновка Белгород-Днестровского района Одесской области. Работы финансировались Одесским областным Управлением мелиорации и водного хозяйства.

Однако ещё за год до начала раскопок, разведками 1974 г., в зоне намечавшегося строительства было выявлено 18 курганов, а весной 1975 г. — ещё пять. Все курганы находились на высоком плато северо-западного берега Днестровского лимана (в 2 км от него), западнее шоссе, соединяющей г. Белгород-Днестровский Одесской области УССР и г. Каушаны МССР. Большинство курганов (20 из 23 насыпей) располагалось цепочкой протяжённостью в 7 км, идущей вдоль дороги из с. Семёновка на северо-запад. Три одиночных кургана располагались в 1—2 км западнее дороги. Поверхности всех курганов были в большей или меньшей степени разрушены распахкой.

Нумерация курганам была дана во время предварительных разведок исследуемой территории. В 1975 г. был составлен первый ситуационный план, на который были нанесены 23 кургана (рис. 1).

В 1975 г. Семёновская археологическая экспедиция работала с 1 августа по 30 ноября, база её располагалась в с. Староказачье Белгород-Днестровского района Одесской области. Помимо начальника экспедиции Л.В. Субботина, в 1975 г. в ней принимали участие сотрудники Одесского археологического музея — С.Б. Охотников, И.Л. Алексеева, Т.Н. Гречина, С.В. Паламарчук, В.С. Сергиенко, В.В. Птицын и др. (рис. 2).

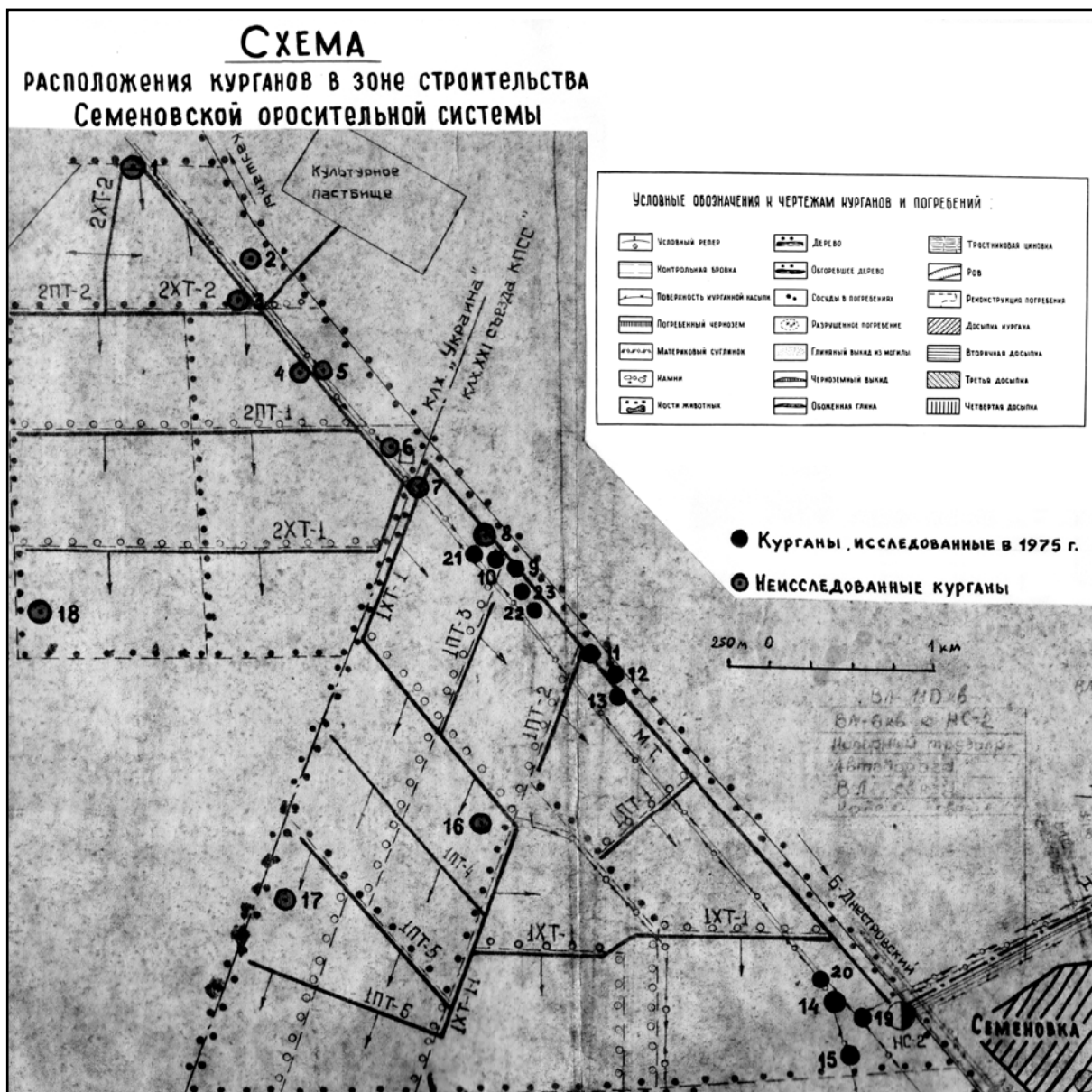
Все насыпи исследовались с помощью бульдозера. При этом (в зависимости от ситуации) по линии север — юг либо по линии запад —

восток оставлялась одна центральная бровка для получения профилей. Эта методика использовалась Семёновской археологической экспедицией и в 1976 г. Отсчёты глубин и координат объектов, выявленных в курганах, производились от установленных на вершинах насыпей условных реперов.

В полевом сезоне 1975 г. были исследованы 12 курганов (№№9—15 и 19—23), находившиеся на землях колхоза им. XXI съезда КПСС (с. Староказачье Белгород-Днестровского района Одесской области). Из 12 исследованных в 1975 г. пять курганов (№№9, 11, 12, 14, 19) были сооружены в эпоху бронзы, ещё семь (№№10, 13, 15, 20, 21, 22, 23) — в скифское время. Всего в курганах были изучены 60 захоронений: четыре — усовской культуры (11/9, 11/10, 14/6, 14/25), 28 — ямной культурно-исторической общности (11/3, 11/4, 11/5, 11/6, 11/7, 12/1, 12/2, 12/3, 14/1, 14/2, 14/3, 14/5, 14/7, 14/8, 14/11, 14/12, 14/14, 14/19, 14/21, 14/22, 14/23, 14/24, 19/2, 19/3, 19/4, 19/5, 19/9, 19/11), пять — катакомбной культурно-исторической общности (9/1, 14/15, 14/16, 19/6, 19/8), два — бабинской культурно-исторической общности (14/9, 14/10), два — позднего бронзового века (14/17, 19/10), 12 — скифских (10/1, 10/2, 11/2, 13/1, 14/4, 15/1, 20/1, 21/1, 22/1, 23/1, 23/2, 23/3), шесть — сарматских (11/1, 11/8, 14/13, 14/20, 19/1, 19/7), одно — неопределённое (14/18). Помимо этого, в кургане 20 был найден скифский клад.

Отчёт о работе Семёновской археологической экспедиции в 1975 г. и Открытый лист на имя Л.В. Субботина были сданы на хранение в Институт археологии АН УССР, где и находятся в настоящее время (Субботин, 1976). Материалы из раскопок и полевая документация поступили в фонды Одесского археологического музея.

В 1976 г. Семёновская новостроечная археологическая экспедиция Одесского археологического музея АН УССР продолжала начатые в предыдущем году исследования курганов в зоне строительства Семёновской оросительной системы. Работы, как и в 1975 г., финансирова-

Рис. 1. Ситуационный план курганов у с. Семёновка, составленный в 1975 г. (по Субботин, 1976).

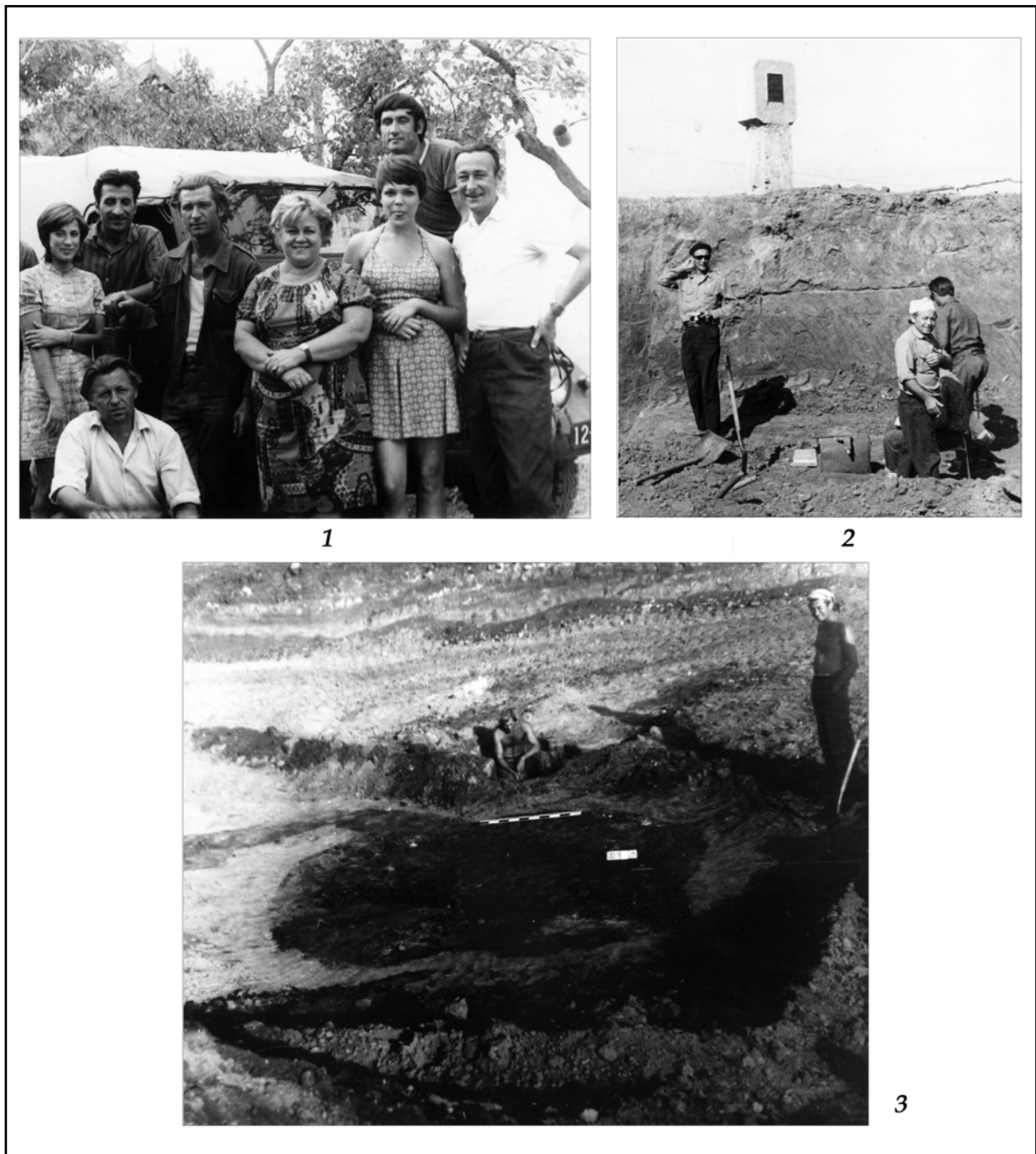
Fig. 1. Situational plan of barrows near Semyonovka village made in 1975 (after Субботин, 1976).

лись Одесским областным Управлением мелиорации и водного хозяйства.

В 1976 г. планировались раскопки 11 курганов: №№1—8 и 16—18. Однако удалось исследовать только семь насыпей: №№1—4, 8, 16 и 17. При этом объект, обозначенный в 1975 г. как курган №16, на поверку оказался естественным всхолмлением, и данный номер был передан насыпи, обнаруженной в 1976 г. возле кургана №7. На последнем, расположенном на землях колхоза им. XXI съезда КПСС (с. Староказачье), была установлена опорная мачта высоковольтной линии электропередач, что исключило возможность его раскопок. Остальные три кургана

(№№5, 6 и 18), расположенные на землях колхоза «Украина» (с. Казацкое), не вошли в ранее намеченную зону мелиорации, а потому были в очередной раз распаханы и засеяны весной 1976 г. Таким образом, они стали недоступными для исследования.

Во время проведенных перед началом раскопочных работ в 1976 г. дополнительных разведок между курганами №№17 и 18 было выявлено ещё семь пунктов, где были обнаружены археологические находки. В настоящее время нет оснований считать их «сильно распаханymi курганами», как предполагалось ранее (Субботин, 1977, 2). По всей види-

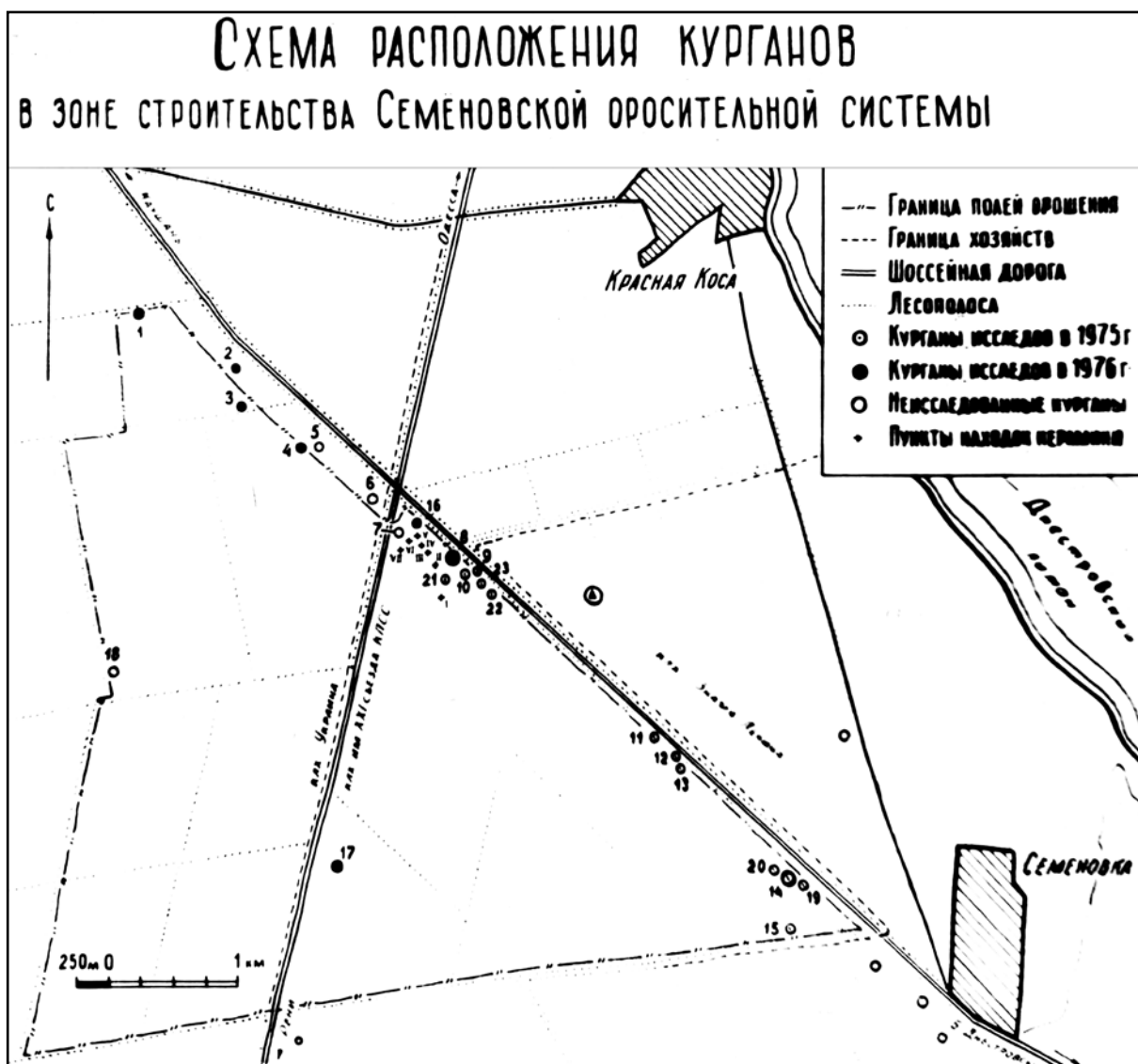

Рис. 2. Работы Семёновской археологической экспедиции 1975 г.: 1 — участники и гости экспедиции на базе в с. Староказачье 16 августа 1975 г. (слева направо стоят В.Т. Дудуш, И.П. Штырбулов, В.В. Птицын, Г.А. Дзис-Райко, И.А. Юдаева, над ней — А.К. Нечитайло, Л.В. Субботин; сидит — В.С. Серженко); 2 — памятно-охранный знак Одесского общества охраны памятников истории и культуры на кургане 14 (слева Л.В. Субботин, справа В.С. Серженко и В.В. Птицын); 3 — погребение кургана 15 в процессе расчистки (сидит С.И. Чернов, стоит С.Б. Охотников).

Fig. 2. Activities of the Semyonovka archaeological expedition in 1975: 1 — participants and guests of the expedition in the camp in Starokazachye, 16 August 1975 (from left to right: V.T. Dudush, I.P. Shtyrbulov, V.V. Ptitsyn, G.A. Dzis-Rajko, I.A. Judaeva, above her — A.K. Nechitajlo, L.V. Subbotin, V.S. Serjenko; 2 — memorable-protection sign of Odessa society for protection of the historical and cultural sites on barrow 14 (L.V. Subbotin on the left, V.S. Serjenko and V.V. Ptitsyn on the right); burial of barrow 15 in the process of cleaning (S.I. Chernov sits, S.B. Ohotnikov stands).

мости, они представляли собой остатки тризны и отдельные находки, относящиеся к разному времени.

Уточнённый ситуационный план Семёновского могильника с нанесёнными курганами и пунктами отдельных находок (рис. 3) приложен

Рис. 3. Ситуационный план курганов у с. Семёновка, составленный в 1976 г. (по Субботин, 1977).

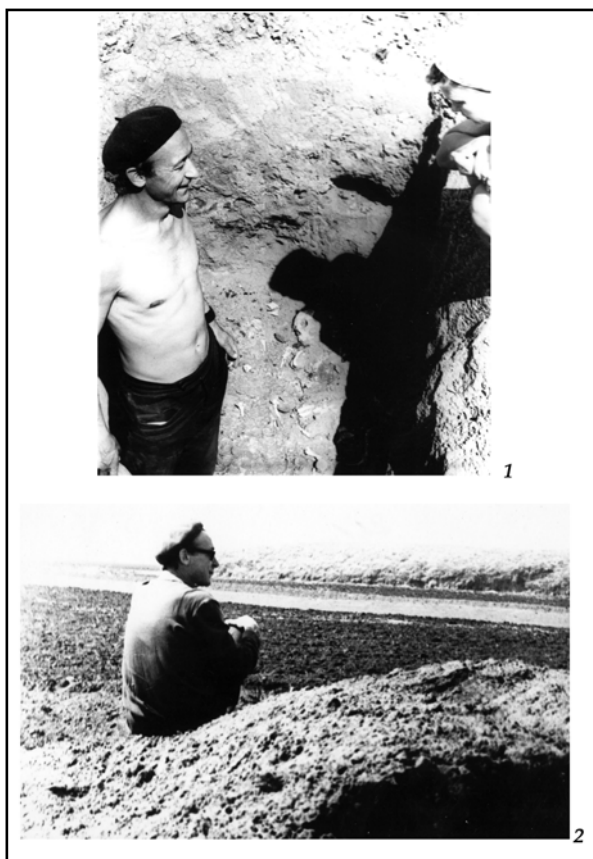
Fig. 3. Situational plan of barrows near Semyonovka village made in 1976 (after Субботин, 1977).

к полевому отчёту о раскопках (Субботин, 1977, табл. I).

Работы Семёновской археологической экспедиции в 1976 г. были начаты 1 июня и завершены 30 сентября. Начальником экспедиции являлся Л. В. Субботин. В ней принимали участие ещё два сотрудника Одесского археологического музея АН УССР — С. Б. Охотников (рис. 4) и В. В. Птицын, а также учителя школ Одесской области — А. К. Нечитайло, С. Ф. Ненов, П. Ф. Ешмеков, В. Н. Левитский, В. И. Зубак, А. С. Кара, И. Г. Друмов, С. В. Кравченко и др.

В кургане №8 центральную бровку пришлось разбить по линии северо-восток — юго-запад. В остальных случаях центральные бровки разбивались, как и в 1975 г., либо по линии север — юг, либо по линии запад — восток.

Из семи исследованных курганов четыре были сооружены в эпоху бронзы (№№1, 2, 8, 17), один — в скифское время (№16), два — в сарматское (№№3, 4). Всего в этих насыпях было зафиксировано 49 погребений: одно — усадовской культуры (8/23), 24 — ямной культурно-исторической общности (1/5, 1/6, 1/8, 2/2, 2/3, 2/6, 2/7, 8/3, 8/5, 8/6, 8/8, 8/9, 8/10, 8/11, 8/12, 8/13, 8/15, 8/16, 8/17, 8/18, 8/22, 8/24, 17/3, 17/5), одно — катакомбной культурно-исторической общности (8/21), восемь — бабинской культурно-исторической общности (1/3, 1/4, 8/1, 8/4, 8/14, 8/19, 17/4, 17/6), одно — сабашиновской культуры (8/20), одно — позднего бронзового века (17/1), одно — киммерийское (2/1), семь — скифских (1/1, 1/2, 1/7, 2/5, 8/2, 16/1, 16/2), четыре — сарматских (2/4, 3/1, 4/1, 17/2), одно — неопределённое (8/7).

Рис. 4. Л.В. Субботин на раскопках кургана 2 в 1976 г.: 1 — в сарматском погребении №5; 2 — на отвалах кургана.

Fig. 4. L.V. Subbotin on the excavations of barrow 2 in 1976: 1 — in the Sarmatian burial no.5; 2 — on the backfills of the barrow.

Отчёт о работе Семёновской археологической экспедиции в 1976 г., Открытый лист на имя Л.В. Субботина и инвентарная опись находок были сданы на хранение в Институт археологии АН УССР, где и находятся в настоящее время (Субботин, 1977). Материалы из раскопок и полевая документация поступили в фонды Одесского археологического музея.

Итак, за 1975—1976 гг. на Семёновском курганном могильнике было исследовано 19 курганов. В них было изучено 109 погребений, совершённых в эпоху бронзы (погребения усатовской культуры, ямной культурно-исторической общности, катакомбной культурно-исторической общности, бабинской культурно-исторической общности) и в раннем железном веке (киммерийское погребение, скифские и сарматские захоронения). Помимо этого, в одном из курганов (№20) был найден клад раннего железного века. На могильнике также были выявлены и исследованы семь отдельных пунктов находок.

Материалы, полученные в ходе раскопок Семёновского курганного могильника, доста-

точно оперативно вводились в научный оборот. В центральном информационном ежегоднике «Археологические открытия в СССР» за 1975 г. приведена краткая информация о четырёх курганах, исследованных на могильнике в 1975 г. (Субботин, Охотников, 1976, 394—395). В этом же издании за 1976 г. были упомянуты материалы из 15 курганов Семёновского могильника (Субботин и др., 1977, 375—376).

Спустя 15 лет вышло из печати справочное издание «Археологические памятники Одесской области», в котором содержится ошибочная информация, что на Семёновском могильнике было исследовано 22 кургана, содержащих 100 погребений (Гудкова и др., 1991, 38).

Через четыре года после завершения исследований Семёновского могильника из печати начинают выходить работы, посвящённые публикации и интерпретации материалов, принадлежащих различным культурно-хронологическим горизонтам. Так, в 1980 г. в отдельной статье были довольно подробно опубликованы шесть наиболее интересных, с точки зрения автора раскопок, захоронений раннего бронзового века (1/6, 2/3, 8/5, 8/8, 8/13, 8/24) из Семёновских курганов (Субботин, 1980, 52—63).

Первая публикация всех погребальных комплексов, отнесённых к медно-каменному и бронзовому векам, а также одного захоронения начала раннего железного века (2/1), вышла под названием «Семёновский могильник эпохи энеолита-бронзы» десять лет спустя после начала раскопок, в 1985 г. (Субботин, 1985, 45—95). Курганы и погребения в статье были расположены не по порядку номеров, а в хронологической последовательности согласно стратиграфическим и типологическим наблюдениям автора раскопок. Кроме кратких описаний десяти курганов и 78 погребальных комплексов, в публикации были приведены планы и профили курганов, а также планы и/или рисунки инвентаря 46 захоронений. К сожалению, ограниченный объём статьи не позволил автору включить в неё достаточно обширный аналитический раздел. Тем не менее, именно с момента публикации данной статьи материалы Семёновских курганов стали широко использоваться в работах, посвящённых различным аспектам истории населения бронзового века Северо-Западного Причерноморья и соседних регионов. В частности, в 1986 г. в монографии В.А. Дергачёва «Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы» были кратко приведены данные о 49 ямных, четырёх катакомбных, шести бабинских (культуры многоваликовой керамики) и одном сабастиновском погребальных комплексах (Дергачёв, 1986, 21). В вышедшей годом ранее книге Е.В. Ярового упомяну-

ты пять ямных захоронений (Семёновка 2/3, 6/14, 8/8, 8/18, 14/2) с неординарным обрядом или инвентарём (Яровой, 1985, 69, 71, 85, 98). В том же году И. Т. Черняков в своей монографии использовал два комплекса, относимых тогда к культуре многоваликовой керамики: 8/1 (с булавой бородинского типа) и основное погребение 20/1 (Черняков, 1985, 95, 130).

Основные комплексы трёх курганов, предвзительно отнесённые автором раскопок к усатовской культуре (11/10, 14/25) либо к раннеямному времени (8/23), в статье 1987 г. И. Л. Алексеева датировала «доусатовским энеолитом» и включила их в выделенную ею «утконосовскую группу» (Алексеева, 1987, 24). В 1991 г. было вновь опубликовано в обобщающей работе погребение 11/10, интерпретированное авторами, вопреки мнению И. Л. Алексеевой, как усатовское (Дергачёв, Манзура, 1991, 76, рис. 54/7, 8). Позднее И. Л. Алексеева в своей монографии отнесла к суворовской группе степного энеолита основные погребения Семёновка 2/7, 12/1 (в книге опечатка: «основное захоронение 11») и 19/2, а к утконосовской группе того же периода — упомянутый выше комплекс с бусами из раковин 11/10 (Алексеева, 1992, 37—44). Таким образом, согласно мнению данного автора, практически все основные погребения Семёновки, ранее атрибутированные как ямные и усатовские, должны были датироваться более ранним временем. Впрочем, в наиболее полной на настоящий момент сводке энеолитических погребальных памятников Северного Причерноморья Ю. Я. Рассамкина ни один комплекс из Семёновских курганов не фигурирует (см.: Rassamkin, 2004), что, видимо, означает согласие автора сводки с атрибуцией Л. В. Субботиным упомянутых И. Л. Алексеевой основных захоронений.

Неординарный ямный комплекс 14/2, перекрытый тремя антропоморфными стелами, неоднократно привлекал внимание исследователей. Кроме упомянутых выше обобщающих работ Е. В. Яровой и В. А. Дергачёва, он рассматривался (наряду с захоронением 19/2) в монографии Е. Ю. Новицкого, посвящённой монументальной скульптуре энеолита и раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья (Новицкий, 1990, 27—28, рис. 2/1,2, 3/1,2). Здесь же высказано мнение, что один из камней перекрытия погребения 8/8 над «деревянными ложем в виде лодки» также является антропоморфной стелой (Новицкий, 1990, 68—70, рис. 7/1), однако позднее такая интерпретация необработанной плиты была подвергнута обоснованной критике (Цимиданов, 2002, 381).

В 1992 г. Е. Н. Савва в своём исследовании культуры многоваликовой керамики Прото-

Днестровского междуречья привлёк сведения о шести захоронениях (Семёновка 1/3, 1/4, 8/1, 8/14, 17/6, 20/1) (Савва, 1992, 187). В то же время комплекс 8/20 рассматривался им как сабастиновский (Савва, 1992, рис. 17/8).

Автор раскопок Семёновских курганов и после публикации 1985 г. неоднократно приводил в своих работах материалы из различных комплексов бронзового века. Так, в 1993 году в отдельной публикации были рассмотрены цинковки из ямных комплексов 8/9 и 14/12, а также орнаментация сосуда из погребения 12/2 (Субботин, 1993, 33—36). Годом позже в качестве образцов деревянных изделий из курганов эпохи бронзы юга Одесской области были приведены «носилки-катафалк в форме лодки» из ямного погребения 8/8, а также катакомбные футляр для шильев и лук (14/16) (Субботин, 1994, 67, 72). Материалы Семёновских курганов были весьма активно задействованы и при написании двух монографий, посвящённых проблематике раннего и среднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 2000; 2003). При этом в первой из них среди прочих были впервые приведены радиоуглеродные даты двух ямных комплексов (11/6 и 14/2) (Субботин, 2000, 364), а во второй — результаты спектрального анализа металлических украшений из четырёх ямных захоронений (2/2, 8/15, 11/5, 19/9) (Субботин, 2003, 146).

С. В. Иванова в своей монографии, посвящённой социальной структуре ямного населения Северо-Западного Причерноморья, использовала данные о 47 комплексах из Семёновских курганов (Иванова, 2001, 202). Здесь же были приведены сделанные к тому времени антропологические определения для ямных комплексов 8/13, 8/15 и 19/9. С. В. Иванова впоследствии неоднократно обращалась в своих работах к материалам раннего и среднего бронзового века из Семёновских курганов (Иванова, 2010, 224; 2012, 21, 28, 36; 2013а, 225; 2013б, 268; и др.). Эти материалы вплоть до настоящего момента активно привлекаются и другими авторами при написании обобщающих работ по археологическим памятникам эпохи бронзы Северного Причерноморья и соседних регионов (Пустовалов, 2005, 56, 203; Клочко, 2006, 64, 67, 69, 76, 143; Razumov, 2011, 165, 177, 182; Черниенко, 2014, рис. 2/41; и др.).

Следует отметить, что за последние три десятилетия наибольшее внимание специалистов по бронзовому веку привлекали следующие комплексы из Семёновских курганов: основное погребение усатовской культуры 11/10 с бусами из раковин; ямные захоронения 8/16 и 14/24 с каменными топорами-молотами, 8/13 с кремнёвым топором, 8/8 с носилками в виде «лодки», 14/24 с кремнёвым наконечником стрелы, 2/3

с четырьмя костяками, 14/2 с тремя антропоморфными стелами, 2/2, 8/15, 11/5 и 19/9 с металлическими украшениями, 8/9 и 14/12 с орнаментированными цинонками; катакомбные комплексы 14/16 (с деревянным луком и колчаным набором) и 9/1 (основное в кургане, с реповидным сосудом); погребение бабинской культурно-исторической общности 8/1 (с крестовидным в плане диоритовым навершием булав, аналогичным одному из наверший булав Бородинского (Бессарабского) клада), а также основное захоронение 20/1, которое авторы ошибочно относили к бабинской культурно-исторической общности.

Единственное киммерийское погребение Семёновского могильника (2/1) было впервые опубликовано в 1981 г. По форме и орнаментации сосуда погребальный комплекс был датирован VIII — первой половиной VII в. до н.э. и отнесён к «позднему этапу киммерийской эпохи» (Субботин, Охотников, 1981, 102—103, рис. 1/8,9,11). Данное захоронение было учтено С.В. Махортых в обобщающей работе, посвящённой киммерийцам Северного Причерноморья, как принадлежащее черноморовской археологической культуре. Комплекс был датирован первой половиной VIII в. до н.э. (Махортых, 2005, 52, 58, 60—61, 65, 68, 74, 123, 356, рис. 137/5—7).

Скифские погребения, как и киммерийское, были впервые опубликованы в 1981 г. В статье была приведена суммарная характеристика погребального обряда и сопровождающего инвентаря, а также проиллюстрирована большая часть сохранившегося материала. Его анализ позволил авторам публикации датировать большую часть погребений «IV—III вв. до н.э.» и констатировать, что «скифы, вероятно, чаще, чем считали ранее, включали Днестро-Дунайское междуречье в маршруты своих передвижений» (Субботин, Охотников, 1981, 115). Исследователи также отметили, что «наличие каких-либо взаимоотношений с основным населением правобережья [Днестра — Л. С., С. Р., В. С.] — гетами, проследивается лишь по находке лепного сосуда из кургана 1» — горшка с четырьмя сосковидными выступами на тулове (Субботин, Охотников, 1981, 112, 116, рис. 2/8).

При анализе погребального обряда скифов Дунайско-Днестровских степей Е. Ф. Редина рассматривала скифские погребения Семёновского могильника и отмечала, что «Тираспольская и Семёновская группы близки по времени, но резко отличаются по обряду, выраженному в погребальных сооружениях и инвентаре» (Редина, 1989, 29). В то же время, с учётом находок скифского времени из комплекса кургана 20 Семёнов-

ского могильника, автор приходит к совершенно некорректному выводу: «на основании инвентаря могильник датирован III—II вв. до н.э.» (Редина, 1989, 29). При этом сделана, очевидно, «слепая» ссылка на работу, в которой время изготовления стеклянной чаши из Семёновского могильника отнесено к середине IV в. до н.э., а сам комплекс датирован III в. до н.э. (Островерхов, Охотников, 1985, 28—29).

В обобщающей монографии, посвящённой погребально-поминальной обрядности населения степной Скифии, В.С. Ольховским были учтены и материалы, полученные при исследовании скифских комплексов Семёновского могильника (Ольховский, 1991, 210). В частности, он обращает внимание на наличие двух рвов, окружавших единственное скифское погребение в кургане 22 (Ольховский, 1991, 131).

Определённое внимание в литературе было уделено греческой керамической таре, обнаруженной в скифских курганах Семёновского могильника на правобережье Днестровского лимана. Так, в монографии Н. Матеевич 2007 г., посвящённой греческим амфорам из варварских памятников Северо-Западного Причерноморья (Mateevici, 2007), упоминаются ножка пепаретской амфоры из кургана 15 и ножка «мендейской» амфоры из кургана 21, датированные второй половиной IV в. до н.э. (Mateevici, 2007, 87—88).

В 2008 г. вышла монография румынского исследователя Э. Телягэ, в которой были приведены данные об амфорном материале из пяти комплексов Семёновского могильника. Ножки трёх «мендейских» амфор из кургана 21 были датированы третьей четвертью IV в. до н.э. (Teleagă, 2008, 366, №№52—54). Не были определены центры производства амфор из погребений 8/2 (ножка амфоры) (Teleagă, 2008, 394, №535), 11/2 (ножка амфоры) (Teleagă, 2008, 393, №531), 14/4 (венчик амфоры) (Teleagă, 2008, 393, №532), 15/1 (ножка амфоры) (Teleagă, 2008, 393, №531), 16/2 (ручка амфоры) (Teleagă, 2008, 393, №533).

В недавно вышедшей работе С.В. Полина, значительная часть которой посвящена датировке скифских курганов Северного Причерноморья, приводятся даты четырёх скифских погребений Семёновского могильника, установленные на основании амфорного материала. Так, погребение 16/2 на основании ручки лесбосской амфоры датировано второй половиной V в. до н.э. (Полин, 2014, 237); захоронение 11/2 на основании ножки амфоры типа «Портичелло» — 400—380 гг. до н.э. (Полин, 2014, 297); погребение 15/1 на основании ножки фасосской биконической амфоры — первой половиной — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2014, 297); захоронение 21/1 на основании ножек геракле-

ских пифоидных амфор I типа — первой четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2014, 297).

Химический состав бронзовых изделий из погребений 1/1 (наконечник стрелы), 16/2 (псалий), 21/1 (наконечник стрелы) и 23/3 (две ворворки и пластина) был проанализирован в специальной работе. Оказалось, что все эти изделия были изготовлены из оловянисто-свинцовых бронз (Субботин и др., 1998б, 120, табл. 1/3—8).

Однако самое значительное внимание исследователей привлёк скифский клад из кургана 20 Семёновского могильника.

В первой публикации авторы раскопок кратко охарактеризовали комплекс находок (амфорный бой, конская узда, стеклянная чаша, предметы вооружения) как «тризну, совершённую в конце IV — начале III в. до н. э. в честь скифского бога Арея» (Субботин, Охотников, 1981, 108, 111). При этом в работе не было приведено ни одного рисунка вещей.

Первая публикация практически всего комплекса скифских находок из кургана 20 Семёновского могильника относится к 1984 г., когда этот материал был привлечён в качестве аналогий находкам из аналогичного клада у с. Великопоское Великомихайловского района Одесской области на левобережье Нижнего Днестра. Были опубликованы план кургана 20, а также рисунки амфорного материала, бронзового налобника, бронзовых «обоймочек» и железных бляшек конской упряжи, железной обоймы, стеклянной чаши. В результате комплекс находок из Семёновского кургана 20 был датирован концом III в. до н. э. (Дзис-Райко, Суничук, 1984, 158, рис. 3).

Спустя год, при анализе стеклянных изделий из античных памятников Нижнего Поднестровья С. А. Островерхов и С. Б. Охотников обратили особое внимание на стеклянную чашу. Ближайшей аналогией была указана чаша из Курджипского кургана середины IV в. до н. э. При этом в таблице, где были приведены результаты количественного спектрального анализа стеклянных изделий, датировка чаши (или комплекса?) указана как III в. до н. э. (Островерхов, Охотников, 1985, 28—30). Авторы подчеркнули, что об «античном происхождении» стеклянной чаши из Семёновки свидетельствует факт её изготовления на соде (Островерхов, Охотников, 1985, 32). В 2000 г. был проведён самый детальный анализ этого изделия — прессованной фиалы с лепестковым орнаментом. Были указаны аналогии сосуду из Северного Причерноморья и Грузии (Дзиговский, Островерхов, 2000, 56—57, 60, рис. 14/1,2,4, 15). Тот факт, что чаша была сварена на натуральной соде, а в составе стекла присутствует сурьма, позволил конкретизировать высказанное ранее предположе-

ние об античном происхождении чаши в пользу «восточно-греческой» школы стеклоделия (Дзиговский, Островерхов, 2000, 57, 60, 65—76, рис. 14/3, 16). Значительно позже А. В. Симоненко указал, что, помимо перечисленных А. Н. Дзиговским и А. С. Островерховым, ближайшими аналогиями фиале из кургана 20 Семёновского могильника являются сосуды из музеев Америки, Испании и Германии, суммарная дата которых определена последней четвертью V — первой половиной IV в. до н. э. Это позволило исследователю констатировать: «Кубок из Семёновки найден в комплексе, датирующемся первой половиной II в. до н. э. Таким образом, он попал туда спустя почти 150 лет после изготовления» (Симоненко, 2012б, 278).

В 1987 г. из печати вышла научно-популярная статья, снабжённая цветными иллюстрациями и целиком посвящённая стеклянной чаше из Семёновского могильника. Сам комплекс, как и в работе 1981 г. (Субботин, Охотников, 1981, 108, 111), был рассмотрен в связи с культом Арея (Островерхов, Суботин, 1987). Подобная же интерпретация содержится и в работе, вышедшей через десять лет (Суботин, Островерхов, 1997).

В 1998 г. были опубликованы результаты количественного спектрального анализа бронзовых изделий из скифского клада, найденного в кургане 20. Оказалось, что, в отличие от предметов из скифских погребений других курганов (1/1, 16/2, 21/1, 23/3), изготовленных из оловянисто-свинцовых бронз, сырьём при производстве налобника и скобы из клада стали оловянистые сплавы бронз (Субботин и др., 1998, 120, табл. 1/1,2).

Самостоятельным «сюжетом» историографии, напрямую касающимся комплекса скифских находок из кургана 20 Семёновского могильника, является проблема его этнокультурной интерпретации.

Первый предмет из этого комплекса — бронзовый налобник с секировидной лопастью и с крючком — был введён в научный оборот А. В. Симоненко и проанализирован вместе с другими аналогичными изделиями из археологических памятников Северного Причерноморья. При этом подобные изделия названы позднескифскими, датированы III—I вв. до н. э., а налобник из кургана 20 Семёновского могильника — второй половиной III в. до н. э. (Симоненко, 1982, 240, 242—243, рис. 1/1). Автор подчеркнул особо, что «налобники с крючком датируются III—II вв. до н. э. и происходят от скифских железных налобников IV — начала III в. до н. э.» (Симоненко, 1982, 244).

В 1986 г. А. В. Симоненко при анализе клада из Марьевки отнёс его (вместе с кладами из Бубучь, Снегирёвки, Великопоского, Нововасиль-

евки и Семёновки) к III—II вв. до н.э. и привёл ряд аргументов в пользу именно позднескифской принадлежности перечисленных комплексов (Симоненко, 1986, 67).

В.С. Ольховским скифские материалы из кургана 20 Семёновского курганного могильника в 1991 г. были интерпретированы как скифский погребально-поминальный комплекс (кенотаф) (Ольховский, 1991, 100).

В 1992 г. С.В. Полиным в осторожной форме была высказана мысль о том, что «представляется заманчивым связывать распространение таких налобников [с крючком и секировидной лопастью — Л.С., С.Р., В.С.] с Митридатовыми войнами, в которых, как известно, принимали участие представители различных племён на огромной территории» (Полин, 1992, 65).

Эта идея показала перспективной А.В. Симоненко, который в 1993 г. вернулся к интерпретации скифского клада из Семёновки при анализе подобных комплексов Северного Причерноморья. Он изменил свою прежнюю точку зрения и конкретизировал мнение С.В. Полина. Такие клады он назвал «памятниками поминального характера» и связал их с «участием сарматов в Митридатовых войнах начала I в. до н.э.» (Симоненко, 1993, 89—90). Особо подчеркнём, что с тех пор и до настоящего времени А.В. Симоненко многократно повторил «магическую формулу», заключающуюся в том, что «клады/странные комплексы связаны с участием сарматов в Митридатовых войнах начала I в. до н.э.». Эта «формула» была повторена в 1994 г., когда А.В. Симоненко указал, что клады, подобные найденному в кургане 20 Семёновского могильника, «должны быть включены в круг раннесарматских памятников». При этом комплекс из Семёновки не упоминается в работе (Симоненко, 1994, 45). В 2001 г. при анализе комплекса вещей из погребения у с. Чистенькое в предгорном Крыму (не опубликовав при этом ни одну из них!) А.В. Симоненко заключает, что в кладах, в том числе и в Семёновском (Симоненко, 2001, рис. 5/9), «достаточно черт, указывающих на их сарматскую (а точнее — сиракскую) принадлежность» (Симоненко, 2001, 95—96). Само же захоронение из Чистенького исследователь назвал «погребением позднескифского воина из состава союзных Митридату Евпатору варварских континентов Северного Причерноморья» (Симоненко, 2001, 98). Через год в совместной публикации с Е.Ф. Рединой скифского клада из Весёлой Долины был упомянут и комплекс скифских находок из кургана 20 Семёновского могильника. Результатом анализа древностей этого круга («странных комплексов») стало весьма «оптимистичное» заключение, которое мы процитируем

полностью: «Итак, комплекс конца II—I в. до н.э. из Весёлой Долины позволяет, на наш взгляд, подвести итог многолетним поискам исследователей (в том числе и авторов) в этом направлении и признать их [«странные комплексы»/клады — Л.С., С.Р., В.С.] раннесарматскими культовыми (поминально-жертвенными) памятниками времён Митридатовых войн» (Редина, Симоненко, 2002, 85—86).

Подобный подход к пониманию культурной принадлежности «странных» комплексов был положительно воспринят А.Н. Дзиговским, который в 2003 г. совершенно справедливо заметил наличие прямой связи погребений Тираспольской группы памятников на Нижнем Днестре и всей группы кладов (подобных найденному в кургане 20 у с. Семёновка) к западу от Днепра (Дзиговский, 2003, 57—59, рис. 7—13). Вместе с тем А.Н. Дзиговский, очевидно, под влиянием аргументов А.В. Симоненко, пришёл к отождествлению этого культурного «феномена» с сарматами: «Таким образом, и среди археологических материалов, датирующихся, в целом, III—II вв. до н.э., представляется возможным выделить определённый пласт древностей, подтверждающий стабильное присутствие сарматов на западе степного Причерноморья уже в этот период» (Дзиговский, 2003, 59—60). Аналогичные выводы содержатся в работе А.Н. Дзиговского, вышедшей из печати спустя десять лет, однако они в настоящее время выглядят абсолютно неубедительными (Дзиговский, 2013, 603—611).

Впрочем, такой «итог многолетних поисков исследователей» устроил далеко не всех. Примерно в это время у А.В. Симоненко появляется серьёзный оппонент — Ю.П. Зайцев. Этот исследователь последовательно и убедительно опроверг все основные этнокультурные (а соответственно, и хронологические) реконструкции А.В. Симоненко, касающиеся, в том числе, и скифского клада из кургана 20 Семёновского могильника¹.

Работа Ю.П. Зайцева 2005 г., посвящённая крестовидным удилам Северного Причерноморья, завершается выводом, что якобы сарматские черты странных комплексов/кладов (таких же, как из кургана 20 у с. Семёновка) «при более внимательном анализе оказываются сильно преувеличенными» (Зайцев, 2005, 94).

В 2007 г. при анализе комплекса находок из Гэвань Ю.П. Зайцев впервые поставил «вопрос о культуре “вотивных кладов” Северного

¹ Фактически многолетняя дискуссия между А.В. Симоненко и Ю.П. Зайцевым была открыта статьёй последнего, опубликованной в 1999 г., в которой содержится интерпретация захоронения у с. Чистенькое в Предгорном Крыму (Зайцев, 1999, 144).

Причерноморья как о степной позднескифской» (Зайцев, 2007, 266). Частным подтверждением этого предположения стали специальные работы А. Р. Канторовича, посвящённые генезису и типологии налобников с крючком. Исследователем было высказано и аргументировано мнение о генетической преемственности более поздних налобников позднескифской эпохи по отношению к более ранним скифским налобникам (Канторович, 2007а, 74—77; 2007б, 257, 261, рис. 2, 3).

Одновременно вышла работа Б. А. Раева и А. В. Симоненко, которые резко негативно отнеслись к терминам «клады» и «вотивные клады», настаивая на своём понимании их как погребально-поминальных комплексов «ранне-сарматского времени» (Раев, Симоненко, 2007, 268, 272).

В 2008 г. Ю. П. Зайцевым были рассмотрены основные категории находок (конское снаряжение, оружие, посуда и др.) из скифских кладов Северо-Западного Причерноморья и определена их датировка в пределах III — первой половины II в. до н. э. (Зайцев, 2008, 148—150). В этой работе были учтены и материалы из Семёновского клада. В последовавшей год спустя статье эти материалы также были использованы при сравнительном анализе предметов конской упряжи III—I вв. до н. э. из Северного Причерноморья и с Северного Кавказа (Зайцев, 2009, 134—139).

Однако А. В. Симоненко не обратил внимания на резонные замечания Ю. П. Зайцева и в своей монографии 2009 г. «Сарматские всадники Северного Причерноморья» продолжил рассматривать находки из скифского клада в кургане 20 Семёновского могильника как раннесарматские. Относительно железных втульчатых наконечников стрел он заметил, что «причерноморские комплексы с такими наконечниками датируются II—I или только I в. до н. э.» (Симоненко, 2009, 94, 96, 271, приложение 6/1, №5). Были рассмотрены бронзовые кольцевидные пронизи и скобы (Симоненко, 2009, 170, рис. 141/3) и железные круглые бляхи с петлёй на обороте (Симоненко, 2009, 173, рис. 141/2). Особое внимание было уделено бронзовому налобнику из Семёновки (Симоненко, 2009, 187, рис. 141/1, 159/4) и аналогичным изделиям из других памятников Северного Причерноморья. В завершении автор констатировал: «Таким образом, у налобников с крючком была долгая жизнь. Они появились у поздних скифов во второй половине III в. до н. э. как результат эволюции подобных форм V—IV вв. до н. э. Спустя 50 лет с ними познакомились соседи и сослуживцы скифов в войсках Митридата — сарматы (сираки), меоты и синды (находки в курганах на азиатской стороне Боспора), и налобни-

ки с крючком стали деталью раннесарматской узды» (Симоненко, 2009, 191—192). Не изменилась позиция А. В. Симоненко и в 2015 г., когда из печати вышло второе издание «Сарматских всадников» (Симоненко, 2015).

В 2012 г. при изложении основных итогов изучения скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра было отмечено, что комплексное исследование материалов этого памятника позволяет «безоговорочно связывать» клад, подобные семёновскому, с позднескифской культурой. Сравнительный анализ вещевых материалов из могильника у с. Глиное и из кладов показал, что т. н. «странные» комплексы Северного Причерноморья принадлежат скифам, и большинство из них было депонировано в III—II вв. до н. э. (Тельнов и др., 2012). Одним из аргументов в пользу этих утверждений является публикация скифского клада из Дебальцево в Среднем Подонцовье (Карнаух и др., 2016). В настоящее время, после введения в научный оборот всех материалов скифского могильника у с. Глиное, где были найдены налобники с крючком, кольцевидные пронизи и железные наконечники стрел, аналогичные найденным в семёновском кладе, скифская принадлежность последнего не может быть оспорена (Тельнов и др., 2016, 997).

Отдельно остановимся на проблеме датирования скифского клада из кургана 20 Семёновского могильника.

В 1992 г. С. В. Полин разделил совокупность скифских вещей из кургана 20 на два хронологических комплекса. Первый (гераклеийские амфоры и бронзовый налобник) он датировал «IV в. до н. э. (не позднее третьей четверти)», второй (родосские и косские амфоры) — «концом III—II в. до н. э.» (Полин, 1992, 55—57, рис. 11/1—20).

В монографии Н. Матеевич 2007 г. содержится информация, что из кургана 20 Семёновского могильника происходят фрагменты амфор различных производственных центров, в том числе и гераклеийские. При этом указывается, что суммарная датировка всего амфорного боя укладывается в пределы одного столетия (Mateevici, 2007, 80), которое автором не названо. Эта датировка уточняется Н. Матеевич со ссылкой на работу С. В. Полины (1992, 56) на основании фрагментов амфор типа Солоха I до конца IV в. до н. э. (Mateevici, 2007, 97). Также со ссылкой на работу С. В. Полины приводится датировка родосских амфор из этого комплекса — конец III — начало II в. до н. э. (Mateevici, 2007, 101). К этому же времени отнесены фрагменты косских амфор из кургана 20, хотя Н. Матеевич указывает, что в публикации рисунки этого материала не приведены (Mateevici, 2007, 103).

Вопрос о датировании амфорной тары из кургана 20 Семёновского могильника был вновь поднят И. В. Бруяко в 2009 г., когда из печати вышла его большая работа, посвящённая ревизии археологических материалов III—II вв. до н. э. с территории Северного Причерноморья. В этом исследовании, в частности, было указано, что в кургане 20 зафиксирован «кратковременный интервал синхронного бытования двух, в целом разновременных, групп амфор» в рамках III в. до н. э. (Бруяко, 2009, 339)

В это же время из печати выходит монография А. В. Симоненко, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис, посвящённая римским импортам в сарматских и меотских погребениях. Из амфорного материала кургана 20 у с. Семёновка были кратко описаны только фрагменты двух амфор — родосской и косской. Они были определены как «римские/провинциально-римские находки» (Симоненко и др., 2009, 56). В аналитической части этой же работы обе амфоры были отнесены к родосским («поздней серии Вилланова») и датированы первой половиной II в. до н. э. (Симоненко и др., 2009, 29). Спустя два года А. В. Симоненко продублировал обозначенные заключения в русскоязычной работе (Симоненко, 2011, 142, рис. 85/1,2).

Иная точка зрения А. В. Симоненко содержится в его монографии 2012 г. Ссылаясь на мнение С. Ю. Внукова, исследователь отмечает, что в составе тризны кургана 20 присутствуют фрагменты косских или псевдокосских амфор конца III — середины II в. до н. э., родосских — конца III — середины II в. до н. э., синопских — первой половины II в. до н. э. Также указано, что среди материалов присутствует ручка родосской амфоры с клеймом, возможно, эпонима Клеонима II, исполнявшего обязанности в 182 г. до н. э. (Симоненко, 2012а, 79, прил. 19).

Распутать узел противоречий, казавшийся ранее неразрешимым, сумел Ю. П. Зайцев, который, ознакомившись с коллекцией, хранящейся в Одесском археологическом музее, показал, что, помимо иного керамического материала, из кургана 20 Семёновского могильника происходят фрагменты четырёх амфор — родосской, синопской, косской и книдской (Зайцев, 2012а, 58—63, рис. 5—9). Также им были впервые прочитаны клейма на ручках родосской амфоры — эпонима Ἀγρίοιπλος и фабриканта Ἐλίονος 1, датированных в пределах последней трети или последней четверти III в. до н. э. (Зайцев, 2012а, 61, 63). Эту дату для скифского клада принял С. В. Полин (2014, 634). Однако А. В. Симоненко в своей новейшей монографии 2015 г. поставил эту дату под сомнение. Раздражение исследователя вызвали «определённые манипуляции с освещени-

ем и намачиванием» оттисков (Зайцев, 2012а, 61), в результате чего стало возможно прочесть легенды клейм (Симоненко, 2015, 265). Однако подобную реакцию А. В. Симоненко можно охарактеризовать только как эмоциональную попытку в очередной раз отнести все «странные комплексы» ко времени Митридатовых войн (Симоненко, 2015, 265). Заметим, что в настоящее время подобная версия не выдерживает никакой критики (Дедюшкин, 2016, 182—186).

Сарматские погребальные комплексы также достаточно оперативно были введены в научный оборот. В 1981 г. А. Н. Дзиговский опубликовал материалы из восьми сарматских захоронений Семёновского могильника (2/4, 3/1, 4/1, 11/1, 14/13, 14/20, 19/1, 19/7). Самым ранним было названо погребение 11/1, однако в целом все перечисленные захоронения были датированы позднесарматским периодом, т. е. II—III вв. н. э. (Дзиговский, 1981, 124—125).

Спустя четыре года, в обобщающей монографии, посвящённой хронологии сарматской культуры Прутско-Днестровского междуречья, В. И. Гросу датировал погребения 11/1 и 19/7 второй половиной I — первой половиной II в. н. э., захоронение 14/20 было отнесено к I — первой половине II в. н. э., а курганы 3 и 4 (последний предположительно) — ко второй половине II — первой половине III в. н. э. «Остальные впускные погребения из-за отсутствия инвентаря или его скудости не поддаются более или менее точной датировке» (Гросу, 1985, 59—60, 86, рис. 27/В). В 2006 г. румынским исследователем В. Быркэ дата захоронения 11/1 была определена второй половиной I в. н. э., а дата погребения 14/20 — второй половиной I — началом II в. н. э. (Bârcă, 2006, 356, fig. 115).

Материалы из сарматских комплексов (курганов и погребений) были учтены А. Н. Дзиговским в двух его монографиях, в которых анализировалась сарматская культура Северо-Западного Причерноморья. Первая из них вышла в 1993 г., а вторая (в лучшем полиграфическом исполнении, но практически полностью дублирующая первую) — в 2000 г. Автор обратил внимание на позу погребённого в захоронении 14/20 (Дзиговский, 1993, 17; 2000, 23), использование огня в кургане 3 (Дзиговский, 1993, 19; 2000, 24) и мела в различных погребениях (Дзиговский, 1993, 20; 2000, 25), а также указал на полусферическую крышку лепного сосуда (Дзиговский, 1993, 31, рис. 13/5; 2000, 39, рис. 13/5) и стеклянный стакан (Дзиговский, 1993, 39, рис. 19/1; 2000, 53, рис. 19/1) из кургана 3. Кроме того, А. Н. Дзиговский датировал погребение 11/1 второй половиной — концом I в. н. э. (Дзиговский, 1993, 73—74; 2000, 101, 103). При первом знакомстве

с работами вызывает недоумение «методический приём» А.Н. Дзиговского. На основании «совокупности датирующих предметов» сарматский могильник у с. Семёновка (видимо, за исключением погребения 11/1) «относится» ко второй половине II — первой половине III в.н.э., но при этом приводятся ссылки только на иллюстрации кургана 4 (Дзиговский, 1993, 84, рис. 44; 2000, 112, рис. 44). Несомненно, что А.Н. Дзиговский намеревался датировать только курган 4, однако в результате допустил серьёзную техническую ошибку, которая тиражируется в обоих изданиях одной и той же монографии, хотя и под различными названиями.

В другой монографии А.Н. Дзиговского, изданной в 2003 г., можно найти таблицу с иллюстрациями плана и разреза погребения в кургане 4 Семёновского могильника, а также находок из него. При этом таблица никак не связана с текстом, в котором на неё не содержатся отсылки (Дзиговский, 2003, рис. 36).

Достаточное внимание было уделено стеклянным изделиям из сарматских погребений Семёновского могильника. Результаты их технологического анализа были опубликованы в 1983 г. Кроме того, были приведены аналогии стеклянным фиалам и стакану из кургана 3 (Галибин и др., 1983, 60—62, рис. 1/1,3), определена типологическая принадлежность бусин из погребения 19/7 (Галибин и др., 1983, 62, рис. 1/8—16), рассмотрены стеклянные вставки в диадеме из кургана 4 (Галибин и др., 1983, 62—63, рис. 1/5—7), а также ребристая бусина и украшение в виде скарабея из погребения 14/20 (Галибин и др., 1983, 60—62, 71, рис. 1/2,4). Последнее изделие упоминается В. Быркэ и А.В. Симоненко наряду с другими аналогичными находками из сарматских комплексов Северного Причерноморья, которые, в целом, датируются I—II вв.н.э. (Bârcă, Symonenko, 2009, 167—168, fig. 61/4).

Помимо уже отмеченных упоминаний стакана в работах А.Н. Дзиговского 1993 г. и 2000 г. (Дзиговский, 1993, 39, рис. 19/1; 2000, 53, рис. 19/1), стеклянные сосуды из кургана 3 Семёновского могильника были проанализированы в специальной монографии 2000 г. Так, стакан был отнесён к 1 типу изделий этого вида. Было указано, что аналогичные находки датируются I—IV вв.н.э. и известны в Танаисе, Пантикапее, Неаполе Скифском и на других памятниках Северного Причерноморья, а также Западной, Центральной и Южной Европы (Дзиговский, Островерхов, 2000, 127, 129, рис. 41/1). Фиала из этого комплекса была отнесена ко 2-му типу изделий данного вида. Авторы указали, что центром производства таких фиал (кёльнского типа) является Рейнская долина, где они датируются второй по-

ловиной III — первой половиной IV в.н.э. (Дзиговский, Островерхов, 2000, 133, 135, рис. 44/1).

В 2009 г. стеклянные сосуды (стакан и фиала) из кургана 3 Семёновского могильника были упомянуты в работе В. Быркэ и А.В. Симоненко как происходящие из позднесарматского комплекса (Bârcă, Symonenko, 2009, 251—252, fig. 101/1,4).

Информацию о стеклянных сосудах из кургана 3 Семёновского могильника, практически идентичную той, что была изложена в монографии А.Н. Дзиговского и А.С. Островерхова 2000 г., можно найти в двух более поздних работах А.В. Симоненко. Этот автор, в отличие от своих предшественников, датировал комплекс второй половиной II — первой половиной III в.н.э. (Симоненко, 2011, 78, 80, рис. 51/3,10; 2012б, 277, 279, рис. 3/3,10).

В определённой степени «повезло» со вниманием немногочисленному инвентарю погребения 11/1. В комплексе были обнаружены бронзовая фибула и один железный черешковый наконечник стрелы. Результаты количественного спектрального анализа фибулы были приведены ещё в работе 1998 г., и они показали, что состав этой фибулы ничем не отличается от сырья, из которого были изготовлены бронзовые вещи из скифских погребений Семёновского могильника (Субботин и др., 1998, 120, 124). В 2010 г. В.В. Кропотов отнёс эту фибулу к варианту 1 (фибулы небольших размеров длиной 2,2—2,8 см) серии I группы 10 сильнопрофилированных фибул с бусинами на дужке. В целом подобные фибулы, по мнению исследователя, датируются второй половиной I — началом II в. (Кропотов, 2010, 226—227). Год спустя А.В. Симоненко эту фибулу, как и другие сильнопрофилированные фибулы западных типов, датировал так же (Симоненко, 2011, 24, рис. 10/10). Двумя годами ранее этот же исследователь определил дату черешковых наконечников стрел (в том числе и находки из погребения 11/1 Семёновского могильника) первой половиной II в.н.э. (Симоненко, 2009, 104, рис. 67/15, приложение 6/2, №47).

Инвентарь погребения 4/1 (сероглиняный гончарный кувшин и круглая железная пряжка) упоминается В. Быркэ и А.В. Симоненко при анализе материалов из позднесарматских комплексов Северного Причерноморья (Bârcă, Symonenko, 2009, 226, 237, fig. 86/4, 95/2).

Этим исчерпывается историография курганов, исследованных Семёновской новостроечной экспедицией в 1975—1976 гг.

Существующие публикации разбросаны в различных и в настоящее время (спустя 30 и более лет после их выхода из печати) труднодоступных для большинства исследователей

изданиях. В ряде случаев требуется пересмотр не только датировок, но и культурной принадлежности тех или иных погребальных комплексов. Значительный материал, накопленный к настоящему времени археологической наукой, позволяет не только решить указанные задачи, но и оценить на современном научном уровне материалы из Семёновских курганов, которые принадлежат различным культурно-

хронологическим горизонтам — от раннего бронзового века до сарматского времени, а потому представляют безусловный интерес для многих специалистов.

Настоящее монографическое издание подчинено именно этой цели — полной публикации и всестороннему анализу материалов, полученных при исследовании Семёновского могильника.